

Семеновскаго уѣзда:

Быдреевскѣ.

Юрасовѣ.

Городищахѣ.

Бѣлкинѣ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го Марта.

№ 6-й.

1892 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О Ч Е Р К Ъ

жизни и быта сельскихъ священниковъ и ихъ семействъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

(Продолженіе). *)

Выдающеюся чертою быта и жизни сельскихъ пастырей разсматриваемаго времени была еще *семейственность*, т. е. тѣсная сплоченность членовъ семейства и тѣсный союзъ между ними, обоснованные на взаимной родственной любви, причемъ со стороны младшихъ членовъ семьи было безусловное послушаніе старшимъ, а со стороны старшихъ—попечительная и нѣжная заботливость о младшихъ. Конечно эти добрыя черты семейной жизни сельскаго духовенства прежняго времени

*) См. № 5 Н. Е. В.

остаются принадлежностію семействъ духовенства и нынѣшняго времени, но прежде въ помянутомъ отношеніи была та особенность, что члены семьи, пока не вышли изъ нея и не составили новыхъ отдѣльныхъ семей, были на столько привязаны къ родному очагу, родному дому и родному кругу, что даже не чувствовали потребности искать гдѣ либо развлеченія, утѣшенія и радостей внѣ этой родственной семьи. Впрочемъ это было и естественно при условіяхъ изолированнаго домашняго быта прежнихъ сельскихъ священниковъ. Въ прежнее время въ иныхъ селахъ жили помѣщики и ихъ семейства, но они держали себя по отношенію къ семействамъ священниковъ большею частію слишкомъ высоко и недоступно, такъ что общаго тутъ ничего не было; другіе сельскіе обыватели---члены семействъ остальнаго церковнаго причта были такъ заняты своими домашними и хозяйственными дѣлами, что рѣдко имѣли возможность раздѣлять время съ семействами священниковъ; съ лицами крестьянскаго сословія священническія семейства тѣмъ болѣе не могли вести знакомства въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, вслѣдствіе различія у тѣхъ и другихъ понятій, правилъ и обычаевъ жизни. Иныхъ лицъ, сколько нибудь подходящихъ по характеру и направленію къ лицамъ духовнаго званія, какія нынѣ есть въ селахъ, наприм., среди сельскихъ учителей, въ прежнее время не было. Оставалось сосредоточиваться и замыкаться въ родной средѣ и въ ней одной находить нравственное удовлетвореніе. И оно въ прежнюю пору находилось не гдѣ либо-внѣ дома, но именно въ нѣдрахъ семьи у своего домашняго очага, среди родныхъ людей. Тогда дѣти считали счастіемъ находиться подъ крыломъ и надзо-

ромъ любящихъ родителей, чтобы чаще ихъ видѣть, чаще слышать и болѣе говорить съ ними. Правда сыновья священниковъ, по достиженіи ими учебнаго возраста, должны были уѣзжать въ училища, но дочери, которымъ негдѣ было учиться, какъ только дома, почти неотлучно находились при матери и отцѣ. Съ ними онѣ раздѣляли общія домашнія и хозяйственныя занятія, жили одними общими интересами, сообща дѣлили радость и горе и, пока не выходили за мужъ, имѣли своихъ родителей и другихъ семейныхъ родныхъ предметомъ исключительной своей привязанности, заботливости о нихъ и любви къ нимъ. Въ этой любви къ родителямъ могли поспорить съ своими сестрами только ихъ братья. Хотя послѣдніе, во время своего обученія въ училищѣ и семинаріи, не были въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ и общеніи съ родителями, но это не мѣшало имъ находиться въ непрерывномъ нравственномъ общеніи. Постоянно чувствуя и сознавая родительскую любовь къ себѣ и внѣшнимъ образомъ удостоверяясь въ ней чрезъ разныя и многочисленные проявленія этой любви и заботливости ⁶⁾ о

⁶⁾ Въ прежнюю пору, когда для воспитанниковъ Семинаріи и училищъ еще не было устроено епархіальныхъ общежитій, всѣ дѣти священнослужителей (за исключеніемъ сиротъ), помѣщались на квартирахъ и всѣмъ своимъ содержаніемъ обязаны были исключительно своимъ родителямъ. Правда содержаніе дѣтей сельскаго духовенства на квартирахъ было весьма скудное: ученическія квартиры нанимались у бѣдныхъ людей и были, по большей части, тѣсны, сыры и холодны; пища учениковъ была очень однообразная и въ высшей степени неприхотливая, одежда ихъ, въ большинствѣ случаевъ, состояла, для лѣтняго времени, изъ нанковыхъ халатовъ, а для зимняго времени — изъ овчинныхъ тулуповъ, крытыхъ тою же нанкою; въ этихъ тулупахъ и халатахъ хо-

себѣ, сыновья-воспитанники, конечно, и по долгу благодарности къ родителямъ, и по естественному чувству любви къ нимъ, съ нетерпѣніемъ стремились видѣть ихъ, когда только было это возможно. Понятно, съ какою радостію они спѣшили подѣ родительскій кровъ во время отпусковъ на святки, на Пасху, на лѣтнія вакаціи. Не страшны были имъ ни дальнія дороги, ни распутица въ дорогѣ; когда не было возможности ѣхать, они охотно сотни верстъ проходили пѣшкомъ. И какое счастье было въ этомъ свиданіи для дѣтей и родителей! Съ прибытіемъ изъ города сыновей въ глуши сельской жизни являлось разнообразіе, монотонная жизнь оживлялась, скучное и однообразное теченіе времени пополнялось притокомъ свѣжихъ вѣстей и городскихъ новостей; родственная любовь отцовъ и дѣтей, братьевъ и сестеръ пріобрѣтала новые поводы для своего проявленія и выраженія, — и вся эта совокупность впечатлѣній вносила въ сердца старшихъ и младшихъ членовъ семьи то радостное и пріятное настроеніе, о которомъ у тѣхъ и другихъ на всю жизнь оставались самыя лучшія и дорогія воспоминанія... Отрадное чувство родственной любви и счастья, доставляемое семейнымъ союзомъ, свѣтлымъ лучемъ освѣщало жизнь сельскихъ пастырей еще въ такъ называемые „сельскіе храмовые праздники“, когда родственныи семейный кругъ еще болѣе расширялся и еще большее включалъ въ себя число членовъ. Къ празднованію помянутыхъ праздниковъ пріѣзжали къ родителямъ и тѣ дѣти, которыя дили ученики и младшаго и старшаго возраста, ходили и въ классы и въ церковь...; но мы выше видѣли, что и бытъ родителей въ помянутомъ отношеніи былъ не лучше и не роскошнѣе бытъ дѣтей.

уже вышли изъ подѣ ихъ родительскаго крова и жили отдѣльною семейною жизнію, т. е. сыновья съ своими женами и дочери съ своими мужьями, а также и другіе родственники. Тогда уже было полное удовлетвореніе родственной любви и полное проявленіе чувства семейственности, отличавшей нравы духовенства прежняго времени. Гости стараго времени собирались къ своимъ родственникамъ не изъ одного приличія, а по влеченію сердца и изъ желанія — чрезъ участіе въ праздникѣ увеличить радость онаго для себя и для другихъ. Не быть на сельскомъ праздникѣ у родственника значило сдѣлать для себя существенное лишеніе, а для хозяина и хозяйки — огорченіе. Поэтому, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, всѣ родственники, даже и отдаленные по мѣсту жительства, пріѣзжали на праздникъ и оставались гостить въ теченіе недѣли и болѣе. Въ небольшомъ домѣ священника дѣлалось тѣсно, такъ что мужчины, наприм., должны были иногда уходить ночевать въ дома причетниковъ, если тамъ было просторнѣе, а женщины располагались спать и на печкѣ, и на полатяхъ, и даже на полу на простыхъ постеляхъ изъ принесенной соломы; но на это неудобство никто не обращалъ вниманія, довольствуясь родственнымъ свиданіемъ и радушнымъ угощеніемъ родныхъ хозяина и хозяйки, которые, въ теченіе года старательно берегая все, что было у нихъ получше изъ яствъ и питій⁷⁾, теперь для дорогихъ гостей не жалѣли никако-

⁷⁾ Самымъ употребительнымъ напиткомъ въ то время было у сельскихъ жителей пиво; оно было мѣстнаго приготовленія и ко времени сельскаго храмоваго праздника варилось сельчанами на общую складчину изъ многихъ долей ржи, ячмени, солода и хмѣля; варилось за селомъ въ огромныхъ котлахъ особымъ мастеромъ

го добра. Послѣ хлѣба-соли всегда бываетъ пріятною бесѣда, и она между родными гостями, свидѣвшимися послѣ долгой разлуки, бывала особенно оживленной и разнообразной. Въ это время было о чемъ поговорить и чего послушать! Вотъ въ одной группѣ собесѣдниковъ слышались рассказы и повѣствованія о домашнихъ и хозяйственныхъ занятіяхъ, въ другой шла бесѣда о богословскихъ предметахъ, въ третьей — сообщались свѣдѣнія церковно-историческаго характера. Здѣсь — рѣшался вопросъ о недоумѣнныхъ случаяхъ въ пастырской практикѣ, тамъ — возникалъ споръ о затруднительныхъ случаяхъ совершенія богослуженія при совпаденіи большихъ церковныхъ праздниковъ и проч. Каждый гость хотѣлъ подѣлиться съ другими тѣмъ, что зналъ и узнать о томъ, о чемъ не зналъ. Гости, обладавшіе голосами и охотники до пѣнія, разнообразили праздничное время пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній, духовныхъ стиховъ и кантовъ⁸⁾, иногда подъ аккомпаниментъ теперь почти забытаго, но въ прежнее время очень распространеннаго между духовенствомъ инструмента — гуслей. Лица, болѣе живаго и веселаго характера, сверхъ сего, затѣвали игры и забавы, конечно совершенно не-

изъ крестьянъ; но совершенномъ изготовленіи нива оно освящалось молитвой, для чего приглашался священникъ, которому за эту молитву и благословеніе выдѣлялась нѣкоторая часть этого домашняго напитка.

⁸⁾ Канты — особаго рода духовные стихи, положенные на музыку; по содержанію своему канты выражаютъ большею частію скорбное чувство о сознаваемой грѣховности, умѣряемое лишь надеждой на благость и милосердіе Божіе. Канты — мало извѣстны въ литературѣ. Этотъ родъ духовныхъ стиховъ еще ждетъ своихъ изслѣдователей и собирателей.

винныя по своему характеру, а лишь увеличивавшія общее радостное настроеніе. Но главное, чѣмъ были не только пріятны, но и полезны эти праздничныя собранія родственниковъ, состояло въ томъ, что на этихъ празднествахъ происходили семейные совѣты по поводу какихъ либо особыхъ случаевъ и обстоятельствъ, встрѣтившихся въ той или другой родственной семьѣ или у того или другаго родственнаго лица. Кому нужно было сдѣлать родственный выговоръ и предостереженіе — это и дѣлалось сообща родственниками; кого постигла неожиданная нужда — тому сообща помогали; горе и скорбь родственника встрѣчали здѣсь истинное участіе и соболѣзнованіе, радость — сочувствіе, доброе предпріятіе — поддержку и одобреніе. Родственное чувство у сельскаго духовенства прежняго времени всегда сопряжено было съ примѣрами и опытами благотворительности и помощи. Сынъ охотно и съ любовью бралъ на свое содержаніе вышедшаго за штатъ или обѣднѣвшаго отца и старуху мать; братъ изъявлялъ готовность помогать брату и его дѣтямъ; сестра, наравнѣ съ своими дѣтьми, призрѣвала осиротѣвшихъ братьевъ и племянниковъ; старцы — дѣдушка съ бабушкой своею любовью, заботливостію и ласкою старались замѣнить для своихъ внуковъ и внучекъ ихъ покойныхъ родителей. Оказать дѣятельную помощь бѣднымъ родственникамъ считалось святымъ долгомъ не только между близкими родственниками, но и отдаленными, — и часто случалось, что человекъ съ ранней юности судьбою оторванный отъ родины и родныхъ и вслѣдствіе обстоятельствъ и особенныхъ условій жизни лишенный возможности видѣться съ родными, всетаки не забывалъ о нихъ и не прерывалъ съ ними духовнаго общенія, стараясь и дѣ-

ломъ, по возможности, быть полезнымъ этимъ своимъ родственникамъ, известнымъ ему только по смутнымъ воспоминаніямъ дѣтства, да развѣ еще по письмамъ этихъ родственниковъ...

Еще болѣе высокою, важною и достойною подражанія чертою, отличавшею нравы и обычаи прежнихъ сельскихъ пастырей съ ихъ семействами была, такъ называемая, *церковность*, налагавшая свойственный ей отпечатокъ на весь складъ жизни и дѣятельности помянутыхъ лицъ. Все, чему научала православная церковь въ своихъ священныхъ чтеніяхъ, пѣснопѣніяхъ, обрядахъ и постановленіяхъ—все это съ искреннею вѣрою усвояя своему сознанию и запечатлѣвая въ сердцѣ, смиренные служители церкви прошлыхъ помянутыхъ годовъ старались осуществить какъ въ своей жизни и дѣятельности, такъ и въ жизни и дѣятельности лицъ, принадлежавшихъ къ ихъ семействамъ, а также—въ жизни и дѣятельности своихъ пасомыхъ. Научаясь изъ слова Божія непрестанному памятованію о Богѣ, о которомъ мы живемъ, движемся и существуемъ (Дѣян. 17, 28), и вѣря въ премудрый промыслъ Его, управляющій судьбами людей, старинные священнослужители вмѣстѣ съ семействами своими искренно вѣрили, что все случающееся въ жизни ихъ случается именно по волѣ Божіей. Здоровье, довольство, прибытокъ въ чемъ либо принимались, какъ даяніе благо и даръ, нисходящій свыше; болѣзнь, не предвидѣнная бѣда, несчастіе, убытокъ въ хозяйствѣ и проч.—принимались, какъ наказаніе за грѣхи. Съ этой точки зрѣнія прежніе пастыри смотрѣли какъ на общественныя радости и скорби, такъ и на свои частныя, домашнія, — и въ подобныхъ случаяхъ не уста только, но и сердца ихъ говорили:

„на то воля Божія; знать такъ Богу угодно; Богъ далъ, Богъ и взял; Богъ помиловалъ и Богъ наказалъ“. Находя такимъ своимъ воззрѣніемъ на дѣйствія промысла Божія, милующаго и наказующаго, живой отголосокъ и въ воззрѣніяхъ своихъ православныхъ пасомыхъ, пастыри Церкви пользовались симъ, чтобы научать ихъ возможно чаще обращаться къ Богу съ молитвой. Вотъ почему, въ былое время, такъ часто совершались общественныя молебствія и въ храмахъ и особыя молебствія на поляхъ и нивахъ съ крестными ходами. Посылала ли матушка-земля плодородіе и изобиліе во всемъ—возсылалась общая молитва благодарственная; проходила ли какая общественная бѣда: болѣзнь на людей, моръ скота и т. под. — также общей мірской молитвой благодарили милосердаго Бога; случалась ли засуха или продолжительное ненастье, грозившія урожаю хлѣба, возсылалась общественная молитва объ отвращеніи гнѣва Божія; молились также цѣлыми селеніями и обществами и при другихъ случаяхъ особеннаго, видимаго для всѣхъ дѣйствія воли Божіей, наприм., въ предотвращеніе частыхъ пожаровъ, градобитій и т. подобныхъ общественныхъ несчастій. Участвуя вмѣстѣ съ прихожанами въ общихъ молитвахъ—въ храмахъ и на поляхъ, сельскіе пастыри и ихъ семейные, слѣдуя постановленіямъ Церкви, неопустительно совершали и свои частныя, домашнія молитвы. Такъ, вставая отъ сна, прежде всякаго дѣла, молились; приступая къ дѣлу осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, выходя изъ дома и входя въ домъ дѣлали тоже, искренно вѣря, что безъ Бога—ни до порога. Вечеромъ, не смотря ни на какую усталость отъ трудовъ, всѣ члены семьи совершали общую молитву, при чемъ иногда самъ отецъ семейства,

ставъ предъ иконами и затепливъ лампадку, читалъ вечеромъ молитвы, а наканунѣ большихъ праздниковъ, былъ обычай присоединять къ сему и чтеніе акаѳиста сладчайшему Іисусу или Божіей Матери. Свято исполнялся также обычай прибѣгать къ молитвѣ во время болѣзни кого либо изъ членовъ семьи, особенно печальной, наприм., во время обморока, или другаго болѣзненнаго припадка, а также — во время особенно грозныхъ явленій природы, напр., сильной бури, лѣтней грозы, паводка или наводненія и т. п. случаевъ. Съ усердными домашними молитвами священнослужители помянутаго времени и ихъ семейства соединяли столь же усердныя молитвы и за божественными церковными службами, къ которымъ ходили неопустительно и съ такою ревностію и усердіемъ, что когда случалось, напр., хозяйкѣ дома по случаю домашнихъ дѣлъ опоздать приходомъ въ церковь, то она искренно о томъ сожалѣла и сокрушалась. Исполняя съ точностію христіанскія обязанности по отношенію къ молитвѣ, помянутыя лица со всею строгостію и неукоснительностію исполняли и церковныя постановленія о постѣ. Въ этомъ случаѣ нарушеніе малѣйшей подробности, указанной въ церковномъ уставѣ, считалось важнымъ грѣхомъ. Если въ уставѣ положено было, наприм., въ извѣстный день не принимать пищи до вечера, или — не ѣсть яства съ масломъ, или — довольствоваться лишь сухоядѣніемъ, то все это и исполнялось съ величайшею точностію и аккуратностію. Особенно въ дни великаго поста наблюдалось воздержаніе отъ пищи до послѣдней возможности. Такъ, на первой и страстной седмицѣ онаго поста, нѣкоторые члены священническихъ семействъ, особенно — женщины, принимали пищу только по разу въ день, а нѣ-

которыя простирали постъ до того, что въ теченіе цѣлой недѣли, особенно страстной, ѣли всего два раза — во вторникъ и четвергъ, и при этомъ постницы не переставали исполнять обычныя, хозяйственные и домашнія занятія, иногда очень тяжелыя. Считая подвигъ поста и воздержанія особенно угоднымъ Богу, иныя лица священническихъ семей, особенно изъ дѣвицъ и вдовъ, налагали на себя особыя обѣты, наприм., никогда не употреблять въ пищу мяса или — не ѣсть скоромнаго, кромѣ среды и пятницы, еще въ понедѣльники. Въ тѣхъ же видахъ подвига, ради нравственнаго усовершенствованія и душевнаго спасенія, иныя дочери и родственницы священниковъ, молодыя и красивыя, давали обѣтъ дѣвства и строго его соблюдали; другія поставляли для себя непремѣннымъ правиломъ ежегодно, по окончаніи лѣтнихъ работъ, вмѣстѣ съ старшими родственницами, ходить на поклоненіе чудотворнымъ иконамъ и святымъ мощамъ въ какіе либо извѣстные сими святынями монастыри и пустыни; третьи, съ согласія родителей, дѣлали посильныя, отъ своихъ трудовъ, пожертвованія на церкви, напримѣръ, холстомъ, ими самими выпряденнымъ и вытканымъ, или деньгами, вырученными за какое либо собственное рукодѣлье. Съ молитвою и постомъ у прежнихъ священниковъ и семейныхъ ихъ неразрывно соединялось дѣло милосердія и помощи неимущимъ. Ниодинъ нищій, просящій милостыню во имя Христова, не выходилъ изъ священническаго дома безъ подаенія. А въ воскресные дни и особенно въ дванадесятые праздники нѣкоторые нищіе, извѣстные своимъ добрымъ поведеніемъ, приглашались на домъ къ священнику къ обѣду. Тогда матушка-попадья накрывала для этихъ нищихъ особый

столь въ той же комнатѣ, гдѣ жили сами хозяева, и сама подавала своимъ убогимъ гостямъ тѣже самыя кушанья, которыя ставились на столъ для домашнихъ. Кромѣ оказанія такой явной милостыни и помощи бѣднымъ людямъ, было еще въ обычаѣ у лицъ священническаго семейства дѣлать милостыню *тайную*. Эта милостыня подавалась тѣмъ бѣднымъ людямъ, которые по скромности и стыдливости скрывали свою бѣдность, и дѣлалась такимъ образомъ. Наканунѣ какого либо праздника, обыкновенно вечеромъ, когда совѣтъ стемнѣетъ, сама матушка-хозяйка или одна изъ ея дочерей или родственницъ, взявъ съ собою часть хлѣба, или кринку молока, или нѣсколько говядины, направлялась къ тому дому, гдѣ жило бѣдное семейство и, стараясь быть не замѣченной, осторожно ставила принесенное на завалинѣ дома или же — на такъ называемомъ „волоковомъ окнѣ“⁹⁾ и при этомъ, постучавъ въ окно или стѣну дома, поспѣшно и незамѣтно уходила домой.

Благочестивые и добрые обычаи, господствовавшіе въ домахъ сельскихъ пастырей разсматриваемаго времени, и доброе религіозно-нравственное настроеніе старшихъ членовъ священническихъ семействъ, безъ сомнѣнія, имѣли самое благотворное вліяніе и на младшихъ членовъ этихъ семействъ — на дѣтей. Это благотворное вліяніе добрыхъ примѣровъ тѣмъ было сильнѣе, что оно сопровождалось и подтверждалось соотвѣтствующими разъясненіями, наставленіями и уроками со стороны родителей. Послѣдніе, не смотря на недо-

⁹⁾ Волоковое окно — маленькое окно безъ рамы, съ однимъ стекломъ, вставленнымъ со внутренней стороны избы, такъ что на внешней сторонѣ окна оставалось пространство, на которое можно было ставить небольшія вещи.

статокъ времени, уходившаго у нихъ большею частію на хозяйственныя занятія, всетаки не избавляли себя отъ труда, по мѣрѣ возможности и своего знанія, давать доброе домашнее обученіе и воспитаніе своимъ дѣтямъ, особенно сыновьямъ, которыхъ они должны были готовить для поступленія въ училища. Нельзя сказать, чтобы домашнее воспитаніе и обученіе дѣтей совершались у священнослужителей прежняго времени съ особенною методичностію, по строго обдуманному плану и по приемамъ, вполне отвѣчавшимъ требованіямъ научной педагогіи, но несомнѣннымъ высокимъ достоинствомъ прежняго воспитанія и обученія, высшимъ всѣхъ достоинствъ, было то, что на обученіе и воспитаніе дѣтей родители смотрѣли, какъ на высокую религіозную обязанность: „Богъ съ насъ взыщетъ за грѣхи и недостатки дѣтей, если мы не будемъ учить ихъ всему доброму“, думали и были убѣждены родители и въ этомъ убѣжденіи, призывавъ Бога на помощь, начинали обученіе и воспитаніе дѣтей, совершая то и другое съ любовью и подъ непремѣннымъ руководствомъ слова Божія, ученія св. Церкви и добрыхъ преданій и завѣтовъ отцовъ и дѣдовъ. Такъ какъ, по ученію слова Божія, началомъ премудрости, разумѣнія и всего добраго въ жизни служитъ страхъ Божій (Кн. Прем. Іисуса сына Сир. 1, 20), то родители прежде всего и старались утвердить въ сердцахъ дѣтей именно это чувство страха и ответственности предъ Богомъ, почему, обыкновенно, и говорили дѣтямъ, когда замѣчали за ними что либо нехорошее: „смотрите: Богъ видитъ, Богъ знаетъ, Богъ накажетъ“, и на оборотъ, поощряя къ добрымъ поступкамъ, говорили: „это Господь любитъ, это Ему угодно, за это Господь награждаетъ“. Вселяя

въ умы и сердца дѣтей живое и постоянное представленіе о праведномъ Судіи и Мздовоздаятелѣ Богѣ, родители учили дѣтей благоугождать Ему молитвами и добрыми дѣлами. Для этого съ самыхъ юныхъ лѣтъ дѣтей, когда послѣдніи лишь только начинали управлять своими членами, отецъ и мать и старшіе въ семействѣ учили дѣтей правильно складывать персты на молитву и истово по православному дѣлать крестное знаменіе и поклоны. Уча молиться дома, мать и старшіе родственницы брали дѣтей, нося ихъ еще на рукахъ, къ божественнымъ службамъ въ церковь и, за литургіей, по часту приобщали ихъ святыхъ Таинъ, чтобы симъ укрѣпить ихъ душу и тѣло. А когда дѣти подростали и укрѣплялись въ силахъ, тогда помянутые руководители и воспитатели дѣтей брали ихъ съ собой въ церковь даже къ *утренямъ*, не жалѣя, изъ высшихъ духовно-религіозныхъ цѣлей, прерывать въ это время сладкій дѣтскій сонъ. Съ наставленіями о необходимости исполненія долга молитвы, дома и въ церкви, дѣтямъ внушалась и разъяснялась необходимость исполнять установленныя Церковію посты и постные дни, и въ этомъ случаѣ помянутые руководители дѣтей не мудрствовали лукаво, — какъ иногда теперь мудрствуютъ, — и не ослабляли строгости поста для дѣтей подъ предлогомъ ихъ малолѣтства или слабости здоровья, подобно тому, какъ не находили маловажнымъ внушать тѣмъ же дѣтямъ, чтобы они, на примѣръ, не только не ѣли данной имъ освященной просфоры послѣ принятія какой либо пищи, но чтобы, вкушая просфору непременно натошакъ, еще держали ее на раскрытыхъ и сложенныхъ крестомъ ладоняхъ, стараясь не уронить на полъ ни малѣйшей отъ нея частицы. Сверхъ сего съ особенною тщатель-

ностію родители въ прежнее время внушали дѣтямъ долгъ уваженія и почтенія къ старшимъ и начальствующимъ, разъясняли необходимость въ жизни терпѣнія, кротости, миролюбія, сострадательности къ бѣднымъ и нищимъ, уча вмѣстѣ съ симъ и всѣмъ другимъ видамъ христіанской добродѣтели. Средствами къ утвержденію дѣтей въ добромъ поведеніи, кромѣ помянутыхъ разъясненій и наставленій родителей и ихъ добрыхъ примѣровъ, служили и мѣры строгихъ взысканій съ дѣтей за ихъ проступки и ослушаніе. Въ этомъ случаѣ родители, особенно отцы, знали, что и слово Божіе учитъ, что дѣтей должно воспитывать въ наказаніи и ученіи Господни (Еф. 6, 5), и житейская, практическая мудрость гласитъ, — „у кого дѣти въ рукахъ, у того половина горя въ душѣ“, или „управляй ребенкомъ, если онъ не повинуется — повелѣваетъ“ (т. е. своевольтвуетъ); по сему иногда и находили нужнымъ строго наказывать дѣтей въ видахъ ограниченія ихъ своеволія и подчиненія всѣмъ законнымъ требованіямъ.

Въ томъ же духѣ церковности, которымъ проникнуто было воспитаніе дѣтей, велось и обученіе ихъ первоначальнымъ наукамъ. Начиналось оно съ обученія чтенію по церковному букварю старымъ, вѣками испытаннымъ буквеннымъ способомъ, при которомъ совмѣстно съ изученіемъ самыхъ первыхъ звуковъ и знаковъ алфавита умъ и память учащихся воспринимали понятія о предметахъ священныхъ, важнѣйшихъ и близкихъ душѣ, какъ на прим., при изученіи знака и звука *А* воспринимались слова и понятія: Ангель, Ангельскій, Архангель; — при *Б* — Богъ, Божество, Богородица, и изъ самыхъ назва-

ній буквѣ дѣти научались нѣкоторымъ нравственнымъ правиламъ въ родѣ слѣдующихъ: *Г*-лаголь *Д*-обро, *Р*-цы *С*-лово *Т*-вердо, *Н*-ашъ *О*-нъ (Богъ) *П*-окой. По изученіи букваря переходили къ постепенному чтенію Псалтири—этой книги книгъ ветхаго завѣта, — книги весьма часто употребляемой при богослуженіи, имѣвшей большое употребленіе и распространеніе въ древней Россіи и доселѣ благоговѣнно чтимой народомъ. На чтеніи каѳизмъ Псалтири останавливались довольно долго, вмѣстѣ съ словами и реченіями стараясь, по возможности, понять и ихъ внутреннее значеніе. Отъ Псалтири переходили къ Часослову съ тѣмъ, чтобы, по достиженіи дѣтми болѣе бѣлаго и отчетливаго чтенія, приучить ихъ читать часы за богослуженіями въ церкви. Попутно съ обученіемъ чтенію дѣти изучали наизусть церковныя молитвы и нѣкоторые тропари и кондаки на большіе Господскіе и Богородичные праздники; изучались также, со словъ и по устнымъ разсказамъ старшихъ, нѣкоторыя важнѣйшія событія изъ Священной Исторіи и изъ жизни святыхъ угодниковъ Божіихъ. Мальчиковъ, сверхъ сего, учили церковному пѣнію и письму, по крайней мѣрѣ—писанію самыхъ простѣйшихъ буквъ, оставляя дальнѣйшее обученіе этому искусству на долю духовныхъ училищъ. Дѣвочекъ же, преимущественно предъ всѣми видами обученія, старались обучать хозяйству и разнымъ рукодѣльямъ, необходимымъ въ домашнемъ и семейномъ быту. Объ обученіи дѣвицъ чтенію и письму въ нѣкоторыхъ священническихъ семействахъ не прилагали особаго старанія въ увѣренности, что для дѣвушки, главнымъ образомъ нужно честное и безукоризненное поведеніе и умѣнье исполнять всѣ хозяйственныя занятія; грамотность же

для дѣвушки считалась роскошью, позволительною лишь при досугѣ во времени и достаткѣ въ средствахъ.

Изъ сказаннаго доселѣ объ обученіи дѣтей въ быту сельскихъ священниковъ прежняго времени видно, что тогда дѣтей обучали не многому; но въ этомъ не многомъ, согласно старинной, любимой нашими отцами и дѣдами, поговоркѣ: *non multum, sed multum*, дѣйствительно, было много. Если при этомъ и таковомъ обученіи принять во вниманіе то доброе, истинно христіанское и церковное воспитаніе, о которомъ было уже сказано, то понятно будетъ, почему въ прежнее время изъ бѣдныхъ и тѣсныхъ жилищъ и изъ скромныхъ и бѣдныхъ семействъ, — семействъ, гдѣ нерѣдко родители, особенно матери, были, судя по нынѣшнему времени, мало образованы, выходили прекрасные образцовые дѣти, — выходили впоследствии люди съ такими твердыми и благородными характерами, какими они проявляли себя во многихъ видахъ дѣятельности и на многихъ поприщахъ жизни, — выходили, наконецъ, дѣятели, достигавшіе высокихъ званій и значенія въ церковной іерархіи и на государственной службѣ, содѣйствуя каждый въ своей сферѣ общему благу и общей пользѣ и служа украшеніемъ своего времени!...

Гр. Полицадовъ.

(Окончаніе будетъ).

Бесѣда со старообрядцами.

Въ воскресенье, 8 Марта, въ Семинарской церкви происходила бесѣда со старообрядцами о бѣглопоповщинѣ. Бесѣду велъ псаломщикъ Алексіевской церкви В. А. Разумовъ. Изъ возражающихъ со стороны старообрядцевъ никого не было.

Поставивъ въ началѣ вопросъ: составляетъ ли общество бѣглопоповцевъ истинную Церковь Христову, собесѣдникъ предварительно обратилъ вниманіе слушателей на православное ученіе объ отличительныхъ признакахъ Церкви. Такими признаками, между прочимъ, служатъ трехчинная іерархія и семь таинствъ.

Церковь Господь создалъ по подобію человѣческаго тѣла изъ разныхъ членовъ, какъ свидѣтельствуется апостоль: *„Акоже бо тѣло едино есть иudy имать многи, вси жеudy одинаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло: тако и Христосъ (1 Кор. 12, 12), или по толкованію святаго Златоуста „такъ и Церковь Христова“.*

Какъ человѣческое тѣло имѣетъ разные члены: голову, руки, ноги, такъ и тѣло Церкви состоитъ изъ разныхъ членовъ, какъ говоритъ и апостоль: *„Овыхъ положи Богъ въ Церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей (тамъ-же 28 ст.).*

И такъ, первое мѣсто въ составѣ Церкви занимаютъ апостолы; преемники же апостоловъ — епископы.

Епископъ — главный членъ въ Христовой Церкви; онъ занимаетъ первое мѣсто въ іерархіи, состоящей изъ трехъ степеней: епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ.

Въ толкованіи 55 апостольскаго правила онъ именуется „главою церковнаго тѣлесе по подобію Христа“ (Кормчая), и на подобіе того, какъ тѣло безъ главы

не можетъ жить, такъ и тѣло Церкви Христовой не можетъ быть безъ главы — епископа.

Чтобы члены, составляющіе Церковь, содержались вкушѣ и оживотворялись благодатными дарами Св. Духа, Господь установилъ въ Церкви Своей семь таинствъ. О седмичномъ числѣ таинствъ въ Большомъ Катихизисѣ сказано: *„Вѣждь убо безъ всякаго сумнѣнія, яко въ Церкви Божіей не двѣ точію суть тайнѣ, но все совершенно семь“.* (Озер. 181 л.).

Эти таинства необходимы для спасенія: *„Аще кто... не употребляетъ, но пренебрегаетъ я, той безъ нихъ, яко безъ извѣстныхъ средствъ, онаго крайняго блаженства сподобитися не можетъ“.* (Озер. 182 л.).

При такомъ устройствѣ, т. е. при существованіи въ Церкви трехъ степеней священства и семи таинствъ, Церковь имѣетъ существовать до скончанія вѣка. Самъ Спаситель далъ обѣтованіе Церкви Своей быть неодолимой: *„Созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ей“*, и еще: *„Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“.* (Матѣ. 16, 18; 28, 20).

Соотвѣтствуетъ ли такому понятію объ истинной Церкви Христовой бѣглопоповщинское общество?

Бѣглопоповцы отвѣчаютъ на это утвердительно. Неимѣніе епископовъ, говорятъ они, не препятствуетъ нашему обществу составлять истинную Церковь, потому что она вслѣдствіе стѣснительныхъ обстоятельствъ можетъ существовать и не въ полномъ устройствѣ, данномъ ей Божественнымъ Основателемъ ея. Доказательства этой мысли они видятъ въ слѣдующихъ историческихъ примѣрахъ: такъ, въ Корѣи не было епископовъ 13 лѣтъ. Во время монофелитства и иконоборства также не было право-

славныхъ епископовъ. Недостатокъ епископскаго чина, по мнѣнію защитниковъ бѣглопоповства, восполняется черезъ чинъ священническій; черезъ священниковъ благодать дѣйствуетъ, когда и нѣтъ на лицо епископовъ; а священники, говорятъ бѣглопоповцы, существуютъ у насъ непрерывно отъ патріарха Никона донынѣ, слѣдовательно и наша Церковь имѣетъ полное право именоваться Христовою Церковію. Но такое ученіе несправедливо и несогласно съ ученіемъ Церкви о важности и необходимости епископскаго чина въ Церкви Христовой. Епископъ имѣетъ существенно важное значеніе въ Церкви.

Священномуч. Кипріанъ писалъ, что Церковь на епископахъ держится, какъ на своихъ подпорахъ. Въ др. мѣстѣ: „епископъ въ Церкви и Церковь въ епископѣ, и ежели кто не съ епископомъ, то тотъ и не въ Церкви (69 письмо къ Флоренцію Попіону). Св. Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Филадельфійцамъ говоритъ: „Елицы Христовы суть, сіи со епископомъ суть“. Святой Златоустъ, отправляясь въ изгнаніе изъ Константинополя, давалъ наставленіе своей паствѣ принять послѣ него и слушаться того епископа, который будетъ поставленъ для нихъ, потому что „Церковь безъ епископа быть не можетъ“. Безъ епископа не могутъ совершаться св. таинства и др. священнодѣйствія. „Тѣмъ вся божественныя тайны и во всѣхъ священныхъ дѣйствующе есть, и безъ того ниже жертвенникъ будетъ, ниже хиротонія, ниже муро святое, ниже крещеніе, ниже убо христіане: черезъ тое убо истинное христіанство“. (Сим. Солунск.).

Почти то же говоритъ св. Игнатій Богоносецъ:

„не лѣтъ есть безъ епископа ни крестити, ни жертвы просформисати (тамъ-же 37 ст.).

И такъ епископъ необходимъ въ Церкви; это доказали и сами бѣглопоповцы на дѣлѣ своими давнишними попытками найти себѣ архіерея.

Что касается примѣровъ, представляемыхъ бѣглопоповцами въ оправданіе своего ученія, то они, хотя исторически и вѣрны, но не говорятъ того, что хотятъ видѣть въ нихъ бѣглопоповцы, потому что относятся къ частнымъ церквамъ, тогда какъ старообрядцы обязаны доказать, что во *всей вселенской* Церкви было время, когда не оставалось *ни одного православнаго* епископа.

1) Въ Картагенѣ и Иппонѣ, городахъ Африки, дѣйствительно нѣкоторое время не было епископовъ, но за то въ другихъ городахъ Африки они остались. Историкъ Бароній, говоря объ избраніи въ епископы Евгенія, замѣчаетъ, что онъ „былъ посвященъ отъ епископовъ и на престолѣ посаженъ“ (Бар. 480 л.); значитъ въ Африкѣ въ то время епископы были.

2) Бѣглопоповцы говорятъ, — будто во время моноелитства всѣ епископы уклонились въ эту ересь. Правда, много было епископовъ уклонившихся, но не мало было епископовъ и твердыхъ въ православіи, каковы напр., св. Софроній, патр. Іерусалимскій, папа Северинъ. И св. Софроній, лишь только вступилъ на престолъ, немедленно созвалъ соборъ изъ палестинскихъ епископовъ, конечно, православныхъ, и на немъ предалъ проклятію еретиковъ единовольниковъ. (Ч—М. 11 Марта).

Затѣмъ, на 6-мъ Вселенскомъ Соборѣ было противъ моноелитовъ 170 отцевъ. И такъ во время моноелитства епископы не всѣ были заражены ересью, но оставались и православные.

3) Неправду говорят бѣглопоповцы, будто бы не было православныхъ епископовъ и во время иконоборческой ереси.

Они были не только на западѣ, гдѣ не было ереси, но и на востокѣ. Три патріарха: Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій — были свободны отъ иконоборческой ереси. Даже въ самомъ Константинополѣ были православные епископы, каковы Стефанъ Сурожскій (15 Дек.), св. Іоаннъ, епископъ Готскій. Это показываетъ, что и во время иконоборческой ереси православные епископы не прекращались.

Если въ частныхъ церквахъ и прекращались епископы, то въ другихъ церквахъ, съ которыми вдовствующая Церковь находилась въ общеніи, они оставались; иначе и быть не могло: вся Церковь пасть никогда не можетъ. Далѣе, если частныя церкви и лишались епископовъ, то не на долго, а у старообрядцевъ ихъ уже нѣтъ болѣе 200 лѣтъ; 200 слишкомъ лѣтъ они остаются при однихъ только бѣглыхъ попахъ; значить у нихъ 200 слишкомъ лѣтъ нѣтъ тайны рукоположенія слѣдовательно нѣтъ и священства благодатнаго.

Бѣглые попы у бѣглопоповцевъ, хотя и получили въ свое время благодатную хиротонію отъ епископовъ Православной Грекороссійской Церкви, но послѣ своего бѣгства къ раскольникамъ не могутъ преподавать благодати въ совершаемыхъ ими священнодѣйствіяхъ, ибо въ отдѣленіи отъ Церкви всѣ ихъ дѣйствія въ обществѣ бѣглопоповцевъ незаконны и не могутъ быть оправданы никакими канонами Церкви.

Бѣглопоповцы принимаютъ бѣглыхъ поповъ, какъ еретиковъ, чрезъ муропомазаніе, оставляя ихъ въ су-

щемъ санѣ, и хотятъ основываться въ этомъ случаѣ на 8 пр. 1-го Всел. Собора. Правило это читается такъ: „Еретицы, глаголеміи чистіи, приходяще къ соборной Церкви, да исповѣдаютъ, яко повинуются церковнымъ законамъ и приобщаются съ двоеженцы и простаты согрѣшающихъ. И аще убо будетъ въ коемъ градѣ истинный епископъ града того, будетъ же и отъ сихъ, глаголемыхъ чистіи, другій епископъ поставленъ, или пресвитеръ, въ своемъ сану да пребываетъ. Но обаче поставленный епископъ, или яко пресвитеръ, да иматъ честь, или аще хочетъ града того епископъ, да вдасть ему нѣгдѣ въ селѣ епископію“. Но прежде всего должно сказать обо всѣхъ правилахъ, что они составлены и даны въ руководство соборной апостольской Церкви, существующей со всѣми чинами іерархіи и 7-ю тайнами. Бѣглопоповцы, какъ не составляющіе Церкви, не имѣютъ ни малѣйшаго права ссылаться на нихъ; — въ данномъ случаѣ на 8-е пр. 1-го Вс. С. Далѣе: 8 пр. для нихъ составляетъ собственно не руководство, а самое основаніе ихъ Церкви, лишившейся полноты священства; они хотятъ имъ замѣнить таинство хиротоніи, установленное Самимъ Господомъ, потому что у нихъ нѣтъ еще лицъ священства кромѣ тѣхъ, которые принимаются якобы отъ ереси. Св. Церковь принимала и принимаетъ еретиковъ, сама по себѣ, конечно, нисколько въ нихъ не нуждаясь для восполненія какого либо недостатка, но содѣвая только ихъ спасеніе. У бѣглопоповцевъ не такъ: они крайне нуждаются въ еретикахъ и если-бы ихъ не было, то они остались бы безъ священства и по необходимости обратились бы въ безпоповцевъ. Далѣе, бѣглопоповцы положительно становятся виновными предъ правиломъ, на которое ссыла-

ются: 8-мъ правиломъ требуется, чтобы приходящіе отъ ереси, прежде принятія ихъ въ Церковь, дали обѣщаніе повиноваться вѣдмъ церковнымъ законамъ; а бѣглецы попы нарушаютъ 39 пр. Св. Апост., запрещающее пресвитерамъ творить что-либо безъ воли епископа.

Бѣглопоповцы переходящихъ къ нимъ іереевъ помазуютъ муромъ и оставляютъ въ сущемъ санѣ, тогда какъ по правиламъ Церкви оставляются въ сущемъ санѣ только тѣ еретическіе епископы или пресвитеры, которые принимаются не чрезъ муропомазаніе, а только чрезъ отреченіе отъ ересей. Это видно изъ 37 гл. Кормчей—посланія Константина града собора къ Мортирію, еп. Антіох., какъ пріимати еретика къ соборной Церкви (293 л. об.), 7 пр. 2 Вс. С., 7 пр. Лаод. и 95 пр. 6 Вс. С. По этимъ правиламъ, принимаемые въ Церковь чрезъ муропомазаніе епископы или пресвитеры въ томъ же чинѣ не оставляются.

Бѣглопоповцы ссылаются въ данномъ случаѣ на толкованіе (Аристипа) 8-го пр. 1-го Всел. Соб., въ которомъ дѣйствительно сказано, что новаціане „свою ересь прокленше и инья вся, пріяти да будутъ и токмо свитымъ муромъ помазуются“. Но самое толкованіе не согласно ни съ практикой древней Церкви, ни съ смысломъ самаго правила, въ которомъ ничего не говорится о муропомазаніи. Толкованіе Аристипа навязываетъ 8-му пр. мысль объ оставленіи въ сущемъ санѣ принятыхъ чрезъ муропомазаніе, мысль, совершенно въ правилѣ не заключающуюся. Руководствоваться же во всякомъ случаѣ нужно не толкованіемъ, а правиломъ, тѣмъ болѣе, что это толкованіе противно правиламъ послѣдующихъ соборовъ: 7 пр. 2 Всел. Соб., 7 пр. Лаод. соб. и 95 пр. 6-го Всел. Соб. Такимъ образомъ,

бѣглопоповщинскіе попы, принятые чрезъ муропомазаніе, незаконно оставляются въ сущемъ санѣ. Бѣглецы попы у бѣглопоповцевъ принимаются бѣглыми же попами, которые, по совершеніи надъ ними чинопріема, и возстановляютъ ихъ въ ихъ сущемъ санѣ. Но такимъ дѣйствіемъ они восхищаются не дарованное имъ право, принадлежащее только епископамъ, и уподобляются, по 2 пр. всѣхъ Св. Ап., сынамъ Кореовымъ и Озіи парю.

Бѣглопоповцы продолжаютъ защищать себя, говоря, что въ чинопріемѣ одинаковую власть имѣетъ, какъ епископъ, такъ и пресвитеръ, и ссылаются на Большой Потребникъ, именно на „чинъ крещенія отъ ереси приходящихъ“, гдѣ дается одинаковое повелѣніе принимать еретиковъ, какъ епископу, такъ и іерею. И Златоустъ также, говорятъ бѣглопоповцы, пишетъ (11 бес. на 1 посл. къ Тим.): „зане немногое среднее ихъ (пресвит. и епископовъ), яко и тѣи воспріиша учительство и предстательство Церкви; и яже о епископѣхъ рече, сія и о пресвитерѣхъ прилично суть, рукоположеніемъ бо самимъ превосходятъ ихъ, симъ только мнятся лишше имѣти“. Но обѣими ссылками на Потр. и бесѣды Злат. бѣглопоповцы ничего не могутъ доказать. Въ Потр. рѣчь о еретикахъ, которые принимаются чрезъ крещеніе. Понятно, что такого еретика можетъ принять въ лоно Церкви одинаково, какъ пресвитеръ, такъ и епископъ, но объ оставленіи его въ сущемъ санѣ нѣтъ и рѣчи. Изъ словъ же Златоуста ясно видно, что священникъ отличается отъ епископа неимѣніемъ права рукоположенія, преподанія благодати, а это и главное.

Всѣ дѣйствія бѣглыхъ поповъ, по принятіи ихъ въ общество бѣглопоповцевъ, незаконны и потому и неблагодатны. По правиламъ церковнымъ священникъ

получаетъ отъ рукополагающаго его епископа право и власть священнодѣйствія не во всѣхъ церквахъ, а только въ его епархіи и на томъ мѣстѣ, куда онъ поставляется, и потому только здѣсь законно дѣйствуетъ; если же онъ вздумаетъ *безъ воли епископа* уйти на другое мѣсто, то извергается и лишается благодати священства (6 пр. 4 Вс. С., 15 пр. Ап., 3 пр. Ант.) Такимъ образомъ и бѣглый попъ раскольническій чрезъ самое бѣгство свое отъ Православной Церкви лишается права на благодатныя священнодѣйствія. Не даетъ ему этого права бѣглопоповщинскій попъ, совершающій надъ нимъ чинопріемъ. Въ Тактик. сл. 23 говорится: „Егда нѣсть архіерея, таковымъ не дается Духъ Святой, якоже вѣруемъ; и егда то не имуть, его же не пріаща таковымъ образомъ, како тѣмъ подадутъ знаменіе на духовныя службы“ (л. 41, об.). Откуда же бѣглый попъ получаетъ благодать? Ниоткуда. Онъ остается безъ благодати, простецомъ. Такъ не имѣетъ благодати Св. Духа и все общество бѣглопоповцевъ, потому что не можетъ получать оной отъ своихъ бѣглыхъ поповъ. Вмѣстѣ съ бѣглыми своими попами оно, по суду 6 правила Гангрскаго собора, осуждается на проклятіе, какъ общество незаконное, какъ амочинное сборище. „Аще кто кромѣ соборныя Церкви о себѣ собирается, и не радя о Церкви, церковная хочетъ творити, не сущу съ нимъ пресвитеру по воли епископа, да будетъ проклятъ“ (пр. 6).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, общество бѣглопоповцевъ не составляетъ Христовой Церкви, и въ отдѣленіи отъ нея не имѣетъ богодарованныхъ средствъ спасенія.

(Волгарь).

Библиографическая замѣтка.

Каждый крестянинъ можетъ въ одну недѣлю сдѣлать всѣ свои постройки неогараемыми. Соломенно-глиняныя щиты, какъ общедоступное и предохранительное средство отъ пожаровъ. Священника А. Смирягина. Николаевъ. 1891 г.

Подъ такимъ заглавіемъ недавно, въ г. Николаевъ, Херсонской губерніи, вышла брошюра, составленная кандидатомъ С.-Петербургской Духовной Академіи, священникомъ А. П. Смирягинымъ. Уроженецъ Смоленской губерніи, авторъ еще будучи студентомъ, сидя за академической скамьей, обращалъ на себя вниманіе не только товарищей, но и мѣстнаго общества своими техническими способностями, сказывавшимися въ разнаго рода дѣланныхъ имъ практическихъ приспособленіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Настоящая его брошюра, получившая уже нѣсколько очень лестныхъ отзывовъ въ нашей періодической печати (см. Южанинъ № 167, Гражданинъ № 221, Новости) и имѣющая своею задачей помочь общему горю — борьбѣ съ пожарами, написана съ большою любовію, искренностію и знаніемъ дѣла, — и заслуживаетъ полнаго вниманія. Пожаръ — исконный и страшный бичъ народнаго благосостоянія. Ежегодно онъ поглотаетъ массу народнаго достоянія. Если убытки отъ пожаровъ исчислить только по статистическимъ свѣдѣніямъ, то цифры этихъ убытковъ окажутся изумительными; да иначе и быть не можетъ: огонь не щадитъ ничего — ни дорогаго, ни дешеваго, ни излишка, ни послѣдняго. Въ 1886 году, напр., въ одной Смоленской губерніи было 708 случаевъ пожара, сгорѣло 1,672 до-

ма, на сумму 1.053.646 рублей. Но если взять во вниманіе, что все вообще статистическія свѣдѣнія, а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и о пожарахъ, по условіямъ собиранія ихъ, не могутъ представлять собою не только истинныхъ данныхъ, но и близкихъ къ дѣйствительности, то вредъ, причиняемый пожарами, окажется колоссальнымъ.

Правительство всегда обращало серьезное вниманіе на противопожарный вопросъ и нынѣ, признавая необходимымъ уредить повсемѣстно въ губерніяхъ и уѣздахъ особыя противопожарныя присутствія, вновь выразило заботу объ оказаніи населенію энергической помощи въ дѣлѣ борьбы съ пожарами и пожарными бѣдствіями. Города имѣютъ еще относительную возможность бороться съ пожаромъ при наличіи вспомогательныхъ средствъ въ видѣ пожарной команды, воинскихъ командъ, обилии и близости воды; но въ селахъ, особенно безводныхъ и при существующей скученности построекъ, борьба съ пожарами, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, совсѣмъ немыслима. Въ виду этого, на села и должно быть обращено главное вниманіе. Для огражденія сельскихъ построекъ отъ пожаровъ было выработано и предложено нѣсколько различныхъ способовъ, а въ томъ числѣ и способъ, только что опубликованный священникомъ Смирягинымъ. Изъ числа ранѣе предложенныхъ способовъ главнымъ образомъ извѣстны: *соломенно-несгораемые ковры*, изготовленные по способу Красноуфимскаго реальнаго училища, и *огнеупорный составъ Бабаева*. Оба эти изобрѣтенія достойны по своей цѣли такого же вниманія, какъ и способъ, предлагаемый о. Смирягинымъ, но примѣняя эти способы къ условіямъ быта сельскаго населенія, къ мате-

риальнымъ средствамъ и свободному времени сельчанина, нельзя не придти къ убѣжденію, не умаляя, разумѣется, достоинства первыхъ двухъ, ни не рекламируя послѣдняго способа, такъ какъ задача настоящаго слова совсѣмъ иная, — что послѣдній способъ огражденія построекъ отъ огня, т. е. способъ, предлагаемый священникомъ Смирягинымъ, болѣе другихъ доступенъ и удобенъ для сельскихъ жителей, а рациональность его очевидна. Красноуфимскіе ковры и жидкость Бабаева прежде всего, по стоимости своей, недоступны для сельчанина, а жидкость Бабаева сверхъ того утрачиваетъ отъ времени свою огнеупорную способность, почему и должна возстановляться, на что, конечно, снова требуется извѣстный расходъ. Способъ же, предлагаемый о. Смирягинымъ, не только почти ничего не стоитъ, но каждый сельчанинъ безъ затрудненія можетъ изготовить соломенно-глиняные щиты, — и въ самое короткое время, стоитъ только въ нѣсколькихъ словахъ наглядно познакомить его съ весьма простымъ способомъ приготовленія этихъ щитовъ. Способъ же ихъ приготовленія, по словамъ автора, заключается въ слѣдующемъ: берутъ А. кола, или просто плахи, вяжутъ изъ нихъ четырехъ-угольную раму, скрѣпляя по угламъ деревянными или желѣзными гвоздями; если же продольные колья довольно толсты, то въ нихъ продалбливаютъ или пробуравливаютъ отверстія и въ эти отверстія вбиваютъ концы поперечныхъ палокъ или кольевъ; на этихъ поперечинахъ разстилаютъ поровнѣ солому (обыкновенно чистую, старнованную) слоемъ отъ 1/2 вершка до четырехъ и болѣе вершковъ, смотря по желанію; на края соломъ сверху накладываютъ тоже поперечныя палки и привязываютъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ тѣмъ

поперечникамъ, на которыхъ была разостлана солома. Если нужно сдѣлать щитъ въ нѣсколько аршинъ и даже сажень вышиной, то берутъ два кола, длина которыхъ равнялась бы высотѣ изготовляемаго щита, и вбиваютъ въ эти продольныя колья уже не два поперечныхъ, а нѣсколько, сообразуясь съ длиной соломы и высотой щита, такъ чтобы каждый рядъ соломы лежалъ на двухъ поперечныхъ кольяхъ, при чемъ каждый слѣдующій (снизу) слой соломы долженъ прикрывать верхковъ на 5 на 6 волость (колосья) предыдущаго, нижняго слоя. Чтобы разостланная солома плотно держалась на щитѣ, ее также прикрѣпляютъ поперечными палками.

Но соломенные щиты, какъ и всякая солома сама по себѣ, — весьма опасный горючій матеріалъ. Чтобы ихъ сдѣлать несгораемыми, нужно затруднить къ нимъ доступъ воздуха, безъ притока котораго невозможно никакое горѣніе, — а для этого стоитъ только вымочить ихъ въ землѣ, или проще, обмазать глинянымъ растворомъ; чтобы, при высыханіи, глина не трескалась, слѣдуетъ въ растворъ прибавить для связи какой нибудь мякины (ухоботья), а еще лучше свѣжаго коровьяго, или конскаго навозу. Приготовленные такимъ образомъ щиты довольно легки и вполне огнеупорны. Если же нужно будетъ ставить щиты въ какое мѣсто, гдѣ они могутъ подвергаться разнымъ толчкамъ и надавливаніямъ (напр. около стѣнъ), или дѣйствию дождей и вѣтровъ, жары и холода (напр. на крышѣ), то нужно будетъ дѣлать болѣе прочныя щиты, хотя и болѣе тяжелыя. Для этого, при вязкѣ щита, разстилаютъ на раму не сухую солому, какъ сказано выше, а предварительно вымоченную въ глиняномъ растворѣ. Щитъ, сдѣлан-

ный изъ такой соломы, по просушкѣ его, дѣлается чрезвычайно твердымъ и прекрасно сопротивляется разнымъ толчкамъ и атмосфернымъ вліяніямъ, такъ какъ въ немъ все пустоты между соломинами заполнены глиной; если же щитъ приготовленъ изъ сухой соломы и лишь сверху обмазанъ глиной, то, въ дѣствіе рыхлости соломы, верхній слой глины легко можетъ повредиться отъ перваго же случайнаго толчка. Само собою разумѣется, что для пригоговленія такихъ щитовъ пригоднѣе всего самая жирная, такъ называемая печная глина; если же ее нѣтъ по близости, то можно воспользоваться всякой глиной, какая только есть подъ рукой, хотя бы она была и съ пескомъ; но въ этомъ случаѣ необходимо прибавить въ нее побольше коровьяго или конскаго навозу; навозъ этотъ полезно примѣшивать и къ самой жирной глинѣ, но, разумѣется, въ меньшемъ количествѣ.

Глиняный растворъ для пропитыванія щитовъ нужно дѣлать не гуще смѣтаны. Разводить глину и мочить солому можно или въ обыкновенныхъ деревянныхъ ящикахъ, въ которыхъ мѣсятъ известку, или проще, въ ямахъ, вырытыхъ тутъ же около постройки, для которой готовятся щиты. Ямы, въ которыхъ солома будетъ пропитываться глиной, нужно дѣлать глубиною не больше аршина, такъ какъ изъ глубокой ямы неудобно будетъ доставать тяжелую солому; ширина ихъ должна превышать длину употребляемой въ дѣло соломы верхковъ на 6—8, а длина будетъ зависеть отъ количества приготовляемыхъ щитовъ. Вообще размѣры ямы не имѣютъ существеннаго значенія въ приготовленіи соломенно-глиняныхъ щитовъ, и каждый хозяинъ можетъ измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію. Когда яма для моченья соломы готова, рядомъ съ нею дѣлаютъ

еще яму, въ которой приготовляютъ растворъ глины; потомъ на дно первой ямы стелятъ рядъ соломы приблизительно въ 1—2 вершка толщиной, черпаютъ ведрами глиняный растворъ изъ сосѣдней ямы и поливаютъ солому; покрывши ее глиной, разстилаютъ другой рядъ соломы и опять поливаютъ и т. д. Когда яма наполнится до краевъ, солому на нѣсколько часовъ оставляютъ тамъ, чтобы она лучше пропиталась глиной. Если же солому хотятъ немедленно употребить въ дѣло, то нужно нѣсколько разъ пройти по ней, чтобы выдавить случайно оставшійся въ ней воздухъ. Впрочемъ, если солому стлали тонкими рядами, то между соломинами не должно остаться воздуха, а потому ее можно и прямо употребить въ дѣло“.

Приготовленные такимъ образомъ щиты, по словамъ автора, *поражаютъ своею способностію противостоять самому сильному огню.*

Вообще, повторяемъ, брошюра, пытающаяся помочь горю темнаго, сельскаго люда, по возможности защитить его отъ страшнаго, исконнаго врага — пожара, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе и, благодаря своимъ внутреннимъ достоинствамъ, читается съ большимъ интересомъ. Желающихъ короче и ближе познакомиться съ этой брошюрой отсылаемъ къ ея автору — священнику г. Николаева, Херсонской губерніи, Александру Павловичу Смирягину, отъ котораго только и можно выписывать означенную брошюру. Цѣна брошюры 80 коп. съ пересылкою.

Н. С—въ.

(Смоленскія Епарх. Вѣдом.)

Священникъ Василій Васильевичъ Никольскій.

(НЕКРОЛОГЪ)

Прошедшаго 1891 года, Ноября 25-го, въ 10 час. вечера, умеръ на 26 году отъ рожденія с. Утки, Сергачскаго уѣзда, священникъ Василій Васильевичъ Никольскій; сыпной тифъ послѣ 9 дней страданій лишилъ жизни очень высокаго роста, сильнаго и красиваго человека.

Покойный — сынъ священника с. Арбузова Василія Никольскаго (умеръ 3 Августа 1890 года); въ 1886 году однимъ изъ лучшихъ студентовъ окончилъ курсъ въ Нижегородской Духовной Семинаріи; въ 1887 году въ Маѣ мѣсяцѣ опредѣленъ и въ Августѣ рукоположенъ во священника къ церкви села Утки. Здѣсь на церковной землѣ онъ выстроилъ образцовый священническій домъ со всеми службами и насадилъ однихъ присадковъ яблонныхъ болѣе ста. Въ приходѣ о. Василій пріобрѣлъ искреннюю любовь и уваженіе: разсудительность, чистосердечіе и спокойствіе духа были отличительными качествами его. Особенно о. Василій заботился о храмѣ Божіемъ и о школѣ: трехпрестольный холодный храмъ при его стараніи внутри весь расписанъ стѣнною живописью; иконостасъ позолоченъ и выкрашенъ. Какъ попечитель, о. Василій земскую школу перевелъ изъ неудобнаго помѣщенія въ болѣе удобное, а именно, въ то, гдѣ самъ жилъ до постройки своего дома; въ этой школѣ онъ съ усердіемъ преподавалъ Законъ Божій. — Покойный въ первый же годъ своего священническаго служенія Епархіальнымъ Училищнымъ Советомъ назначенъ былъ наблюдателемъ надъ церковно-

приходскими школами 2-го Сергачскаго округа, каковую должность и исполнял до своей смерти съ усердіемъ, добросовѣстностью и знаніемъ своего дѣла. Среди окружающаго духовенства онъ заслужилъ расположеніе.

Лишь только разнесся слухъ о смерти о. Василия, знакомые и родственники поспѣшили прибыть въ его домъ, чтобы проводить его въ могилу. 27 числа совершилъ заупокойную литургію и панихиду по усопшемъ въ храмѣ с. Утки священникъ с. Лопатина Михаилъ Троицкій и сказалъ рѣчь прихожанамъ о томъ, что ихъ усопшій преждевременно для нихъ дорогой пастырь, лежащій нынѣ мертвымъ, безмолвно проситъ ихъ: 1) молиться о немъ, какъ и онъ молился за нихъ, и 2) исполнять слово Божіе, которому онъ научалъ ихъ; что и послужитъ ко спасенію его души. — Погребеніе происходило 28 числа. Выносъ тѣла и заупокойную литургію совершали: его духовный отецъ, причастившій о. Василия св. Таинъ и совершившій надъ нимъ таинство елеосвященія, с. Федоровки священникъ о. Іоаннъ Виноградовъ; зашт. гор. Перевоза свящ. о. Николай Покровскій (тестъ покойнаго), с. Лопатина — о. Михаилъ Троицкій, с. Бритова — о. Іоаннъ Никольскій (братъ почившаго), с. Александрова — о. А. Поспѣловъ, с. Арбузова — о. Василій Казанскій, с. Тарханова — о. Сергій Спировъ; и въ отпѣваніи принялъ участіе с. Абаймова — о. А. Владимірскій. Вмѣсто частного стиха о. М. Троицкій произнесъ „слово“ о томъ, что скорбь и слезы при гробѣ почившаго не иначе можно умалить, какъ только вѣрою и упованіемъ въ Единого во Святой Троицѣ славимаго Бога, устраивающаго все къ нашему благу. Предъ отпѣваніемъ

почтилъ рѣчью почившаго его товарищъ о. А. Поспѣловъ, указавшій всѣ его лучшія душевныя качества и высказавшій въ общее утѣшеніе, что покойный умеръ похристіански; — а предъ прощаніемъ произнесъ рѣчь о. Сергій Спировъ, выразившій скорбь о преждевременной смерти о. Василия. — Могила для о. Василия прихожанами была изготовлена противъ окна главнаго алтаря, и тутъ опущенъ на вѣчный покой прахъ всѣми любимаго и уважаемаго пастыря.

Послѣ покойнаго осталась жена и трое малютокъ — дѣвочекъ, изъ коихъ самой младшей въ день его смерти было отъ рожденія семь дней.

Миръ праху твоему и царствіе небесное твоей душѣ добрый пастырь своего прихода и дорогой мой другъ!

Села Лопатина,

Священникъ Михаилъ Троицкій.

Приглашеніе къ пожертвованію.

Комитетъ для возобновленія древняго храма въ сел. Метехи, Горійскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, построеннаго въ V вѣкѣ *Вахтангомъ Великимъ Горгасланомъ*, проситъ православныхъ христіанъ оказать помощь денежнымъ пожертвованіемъ для возобновленія сего храма.

Храмъ этотъ — сѣдой памятникъ старины глубокой, — замѣчательнъ Бетлемской (Виѳлеемской) иконой Божіей Метери, чудеснымъ образомъ открывшей о мѣстѣ своего нахождения и найденной въ настоящемъ 1891 году въ каменномъ сводѣ потаенной комнаты надъ алтаремъ означеннаго храма. Чудесный этотъ памят-

никъ по своей архитектурѣ и знаменитый своею богатую историческою жизнью въ последнее время пришелъ въ ветхость, но Метехское общество, не смотря на свое всегдашнее глубокое уваженіе къ этому 1500 лѣтнему святилищу, по своей крайней бѣдности не въ состояніи одними лишь своими скудными средствами поддерживать его.

Пожертвованія благоволите адресовать: въ гор. Гори, Тифлисской губерніи, на имя предсѣдателя Комитета, князя Шерваля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжной лавкѣ при святыхъ воротахъ Нижегородскаго Архіерейскаго Дома поступили въ продажу **новыя** книги:

1) **Моя жизнь во Христѣ**, дневникъ о. Іоанна, протоіерея Кронштадтскаго. — Ц. 1 р.

2) **Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ Ея святыя Иконы.** — Ц. 2 р.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается въ Редакціи „Нижегород. Епархіальныхъ Вѣдомостей“ при Духовной Семинаріи. Цѣна съ пересылкой и безъ пересылки 5 руб. въ годъ.

1-го Апрѣля.

№ 7-й.

1892 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Нижегородскіе купцы: Михаилъ и Александръ Андреевы Зайцевы и Ораніембаумскій купецъ Иванъ Карповъ Ширшевъ Всемилостивѣйше награждены въ 11 день Января сего года золотыми медалями, на Станиславской лентѣ, для ношенія на шеѣ; Нижегородскіе купеческіе дѣти: Алексѣй и Николай Александровы Смирновы награждены въ тотъ же день серебряными медалями на Станиславской лентѣ, для ношенія на шеѣ, и крестьянинъ села Малой Пицы, Нижегородскаго уѣзда, Евграфъ Купріяновъ Шульпинъ награжденъ золотою медалью на Аннинской лентѣ, для ношенія на груди, — за заслуги по духовному вѣдомству.